

Среди поэтов, родившихся в апреле, возвышается Николай Гумилев, но о нем в "ВК" уже была целая страница. Поэтому обратимся к другому, без всякого преувеличения, великому русскому поэту — Николаю Заболоцкому. По новому стилю он родился в мае, но сам поэт числил себя по старому стилю (уважал документы): "Я был первым ребенком в семье и родился в 1903 году 24 апреля под Казанью, на ферме, где отец служил агрономом".

Николай Заболоцкий с женой Екатериной Васильевной. Москва, 1955 г.

«Я был причислен к лику нечестивых»

Пересказывать биографию Николая Заболоцкого не будем, тем более что недавно вышла книга "Огонь, мерцающий в суде..." с его жизнеописанием. Книгу написал сын поэта — Никита Заболоцкий. Отметим только, что жизнь Николая Заболоцкого была цинично растоптана коммунистической властью, которой везде мерещились враги, да и даровая рабочая сила была нужна на лесоповалах. 19 марта 1938 года поэт был арестован и обвинен в контрреволюционной троцкистской деятельности. А далее — тюремная психиатрическая больница, "Кресты", ссылка на Дальний Восток... В отличие от Осипа Мандельштама Заболоцкий выжил: "Я нашел в себе силу остаться в живых". Но жизнь его все равно была трагически надломлена, и не случайно не выдержало сердце Заболоцкого: он умер в 55 лет, 14 октября 1958 года.

Вернувшись на волю, а она

не была сладкой для него, Заболоцкий не застыл в злобе, как некоторые другие писатели. В его поэзии нет лагерных стихов, так, несколько очень сдержанных и скупых строк о страдании и несправедливости. Например, в стихотворении "Наступили месяцы дремоты..." поэт пишет о щегле: Он поет о той стране

далекой,
Где едва заметен сквозь пургу
Бугорок могилы одинокой
В белом кристаллическом снегу.
Там в ответ не шепчется береза,
Корневищем вправленная в лед.
Там над нею в обруче мороза
Месяц окровавленный глывет.

И вот этот "месяц окровавленный" "в обруче мороза", на мой взгляд, потрясает больше любой книги воспоминаний об ужасах эпохи.

Один из шедевров лирической и отчасти философской лирики — стихотворение Заболоцкого "Можжевельный куст" (1957). Приведем его полностью: Я увидел во сне

можжевельный куст,
Я услышал вдали
металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине, мне понравился он.
Я почуял сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке
древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевельный куст,
можжевельный куст,
Остывающий лепет
изменчивых уст,
Легкий лепет, едва
отдающий смолой,
Проколовший меня

смертоносной иглой!
В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим,
Облетевший мой садик
безжизнен и пуст...
Да прости тебя бог,
можжевельный куст!

Это стихотворение из цикла "Последняя любовь". Да, оно о любви и не только о любви, а еще о христианском смирении: надо принимать жизнь такой, какой она есть. И третий план: взаимоотношения человека и природы — это, кстати, одна из основных тем творчества Заболоцкого. Ограниченное газетное пространство не позволяет привести множество примеров, поэтому ограничимся концовкой моего любимого стихотворения "Я трогал листья эвкалипта...":

Но в яростном блеске природы
Мне снились московские рощи,

Где синее небо бледнее,
Растенья скромнее и проще.
Где нежная иволга стонет
Над светлым видением

луга,
Где взоры печальные клонит
Моя дорогая подруга.
И вздрогнуло сердце

от боли,
И светлые слезы печали
Упали на чаши растений,
Где белые птицы кричали.
А в небе, седые от пыли,
Стояли камфарные лавры
И бледные трубы трубили,
И в медные били литавры.

Обратили внимание на концовку? В ней какой-то вызов человеку, торжество над ним. У Заболоцкого никогда не было позиции покорителя, победителя природы. Он признавал другое — "мирное сосуществование" и писал:

Я не ищу гармонии
в природе.

Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в
ясном небосводе
Я до сих пор, увя,
не замечал.

А что остается делать человеку? Постигать природу. Совершенствоваться самому. Преодолевать сопротивление "материала". И тут, конечно, напрашиваются ставшие хрестоматийными строки:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!..

Кто мало знаком с творчеством Заболоцкого, тот может подумать, что это был очень степенный, печальный и несколько утяжеленный поэт. Ничего подобного. Он был и светел, и ироничен. Ну а стихи его первого сборника "Столбцы" (1929) были полны дерзкого веселья, сарказма, недаром, по признанию поэта, "книжка вызвала в литературе порядочный скандал, и я был причислен к лику нечестивых..." Судите сами. Один только кошачий пассаж чего стоит:

Коты на лестницах упругих,
Большие рылы приподняв,
Сидят, как будды,
на перилах,
Ревут, как трубы, о любви.
Нагие кошечки, стеснясь,
Друг к дружке жмутся,
извиваясь...

Но какими же строками Заболоцкого закончить наш краткий выпуск "Золотой антологии"? Не о котях же, конечно. Нужно что-то проникновенное, существенное, а таких строк у Николая Алексеевича очень много. Пожалуй, закончим такими:

Нет в мире ничего прекрасней бытия.
Безмолвный мрак могил —
томление пустое.
Я жизнь прожил,
я не видал покоя:
Покоя в мире нет. Повсюду
жизнь и я.

Перефраз с Блоком, но у Заболоцкого формула бытия более расширительная: "жизнь и я". И надо быть на уровне этой жизни. Не мельчить ее, а тем более не оползать. И душу-лентяйку, как учил Заболоцкий, необходимо денно и нощно мучить, "чтоб жить с тобой по-человечьи училась заново она".